

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073

А. А. Иванова*

Эффективность уголовного наказания за коррупционные преступления

Аннотация. Исследуются факторы, влияющие на эффективность уголовного наказания за совершение коррупционных преступлений. Методология исследования включает: основной метод научного познания (диалектический); системный подход; общенаучные методы: анализ и синтез (в осмыслении коррупционных деяний), сравнение (практики правоприменения, видов уголовного наказания); частнонаучные методы: математические и уголовно-статистические (при расчете показателей и выявлении корреляционных связей), социологические (опрос респондентов — сотрудников предварительного расследования, судей, осужденных, граждан); анализ документов и др. Эмпирическую базу составили результаты криминологического исследования, проведенного автором в 2018–2020 гг. в составе межрегионального научного коллектива (Владимир, Волгоград, Казань, Н. Новгород, Сыктывкар), а также данные уголовной статистики, материалы судебной практики. Анализируется состояние проблемы определения эффективности уголовного наказания и полученные результаты проецируются на сферу коррупционных преступлений. Представлены данные судебной статистики, дающие представление о правоприменительной практике назначения наказаний за совершение коррупционных преступлений за период 2016–2020 гг. Обоснована необходимость определения критериев оценки эффективности уголовного наказания в анализируемой сфере. К таковым следует отнести достижение наказанием заявленных законодателем целей. Предлагается при оценке эффективности исполнения наказания ориентироваться на результаты криминологических исследований. Дополнительными критериями эффективности могут служить: доля осужденных, считающих вынесенное им наказание справедливым/несправедливым; доля осужденных, возместивших причиненный ущерб полностью/частично, и др. Сделан вывод о недостаточной эффективности наиболее часто применяемых видов наказания, а также низком сдерживающем эффекте штрафа. Продемонстрировано, что свойственный современному антикоррупционному законодательству гуманизм не осознается осужденными, тем самым оказываемое государством доверие не оправдывается на фоне совершаемых коррупционных деяний. Аргументирована целесообразность возвращения конфискации как полноценного вида уголовного наказания за коррупционные преступления: раскрытие потенциала уголовного наказания в виде лишения свободы и восстановление конфискации имущества способны повысить эффективность уголовно-правового реагирования на коррупционную угрозу.

Ключевые слова: уголовное наказание; эффективность наказания; критерии эффективности; коррупционные преступления; коррупционная преступность; детерминанты; цели наказания; виды наказания; уголовно-правовые принципы; концепция сдерживания.

Для цитирования: Иванова А. А. Эффективность уголовного наказания за коррупционные преступления // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 6. — С. 59–73. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073.

© Иванова А. А., 2022

* Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Большая Печерская ул., д. 25/12, г. Н. Новгород, Россия, 603005

ivanova-anna2004@yandex.ru

Effectiveness of Criminal Punishment for Corruption Crimes

Anna A. Ivanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, Faculty of Law, Nizhny Novgorod Branch, National Research University «Higher School of Economics»
ul. Bolshaya Pecherskaya, d. 25/12, Nizhny Novgorod, Russia, 603005
ivanova-anna2004@yandex.ru

Abstract. The paper examines factors influencing the effectiveness of criminal punishment for corruption crimes. The research methodology includes the main method of scientific cognition (dialectical), a systematic approach, general scientific methods: analysis and synthesis (in understanding corruption acts), comparison (law enforcement practices, types of criminal punishment); private scientific methods: mathematical and criminal statistical (in calculating indicators and identifying correlations), sociological (survey of respondents-officers responsible for preliminary investigation, judges, convicts, citizens), analysis of documents, etc. The empirical basis consists of the results of a criminological study conducted by the author in 2018–2020. as part of an interregional research team (Vladimir, Volgograd, Kazan, N. Novgorod, Syktyvkar), as well as criminal statistics data, materials of judicial practice. The paper analyzes the state of the problem of determining the effectiveness of criminal punishment. The results obtained are projected onto the sphere of corruption crimes. The law enforcement practice of sentencing for corruption crimes for the period 2016–2020 is presented on the basis of judicial statistics. The author substantiates the necessity of determining the criteria for evaluating effectiveness of criminal punishment in the area under examination. These include the achievement through punishment of the goals stated by the law-maker. It is proposed to focus on the results of criminological research when assessing the effectiveness of the execution of punishment. Additional criteria for effectiveness can be: the proportion of convicts who consider the punishment imposed on them fair/unfair; the proportion of convicts who have fully/partially compensated for the damage caused, etc. The conclusion is made about insufficient effectiveness of the most commonly used types of punishment, as well as the low deterrent effect of the fine. It is demonstrated that the humanism inherent in modern anti-corruption legislation is not recognized by convicts, thereby the trust provided by the state is not justified against the background of the corruption acts committed. The author argues the expediency of returning confiscation as a full-fledged type of criminal punishment for corruption crimes. The disclosure of the potential of criminal punishment in the form of imprisonment and the restoration of property confiscation can increase the effectiveness of the criminal law response to the threat of corruption.

Keywords: criminal punishment; effectiveness of punishment; efficiency criteria; corruption crimes; corruption crime; determinants; goals of punishment; types of punishment; criminal law principles; concept of deterrence.

Cite as: Ivanova AA. Effektivnost ugolovnogo nakazaniya za korruptsionnye prestupleniya [Effectiveness of Criminal Punishment for Corruption Crimes]. *Lex russica*. 2022;75(6):59-73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.059-073. (In Russ., abstract in Eng.).

Уголовное наказание — сложнейший феномен, познание которого продолжается в течение длительного периода и сопровождается появлением целого спектра проблем. К числу таковых относится эффективность уголовного наказания, непосредственно зависящая от понимания сущности наказания. Многообразии мнений о наказании С. М. Иншаков классифицировал по группам, условно назвал их «моделями наказания» (религиозная, интеракционистская и иные)¹.

С позиции социально-политической модели уголовное наказание выступает как механизм воздействия на общество в целом и его членов в частности, а эффективность впервые становится актуальной и значимой.

При этом следует учитывать, что к исследованию данной проблемы подходят с различных аспектов², анализируя эффективность: уголовного наказания в целом как правового института, системы уголовных наказаний, вида уголовного наказания, уголовного наказания

¹ Иншаков С. М. Эффективность уголовного наказания: методика анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2014. Вып. 25 (711). С. 34–35.

² Гарбатович Д. А. Уголовное наказание: аспекты эффективности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2014. Т. 14. № 4. С. 32–37 ; Иншаков С. М. Указ. соч. С. 32–61 ; Казакова В. А. Экономия репрессии как составляющая эффективности наказания // Уголовно-испол-

за отдельные виды преступлений, наказания конкретного преступника, правоприменительной практики, системы исполнения наказаний и т.д.

В данной статье поднимается вопрос о следующих видах эффективности уголовного наказания: эффективность наказания за отдельный вид преступлений (коррупционные), эффективность наказания за «ядровую» (базовую) группу коррупционных преступлений (составы деяний, являющихся основой коррупционной преступности, — ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ),

эффективность применения отдельных видов наказания, эффективность наказания конкретного преступника. Для оценки эффективности необходимо четко определить критерии.

С. М. Иншаков, ссылаясь на М. Д. Шаргородского, выделяет в качестве критерия эффективности наказания динамику фактической преступности³.

Воспользуемся названным показателем применительно к коррупционной преступности и рассмотрим динамику коррупционных преступлений⁴ (табл. 1).

Таблица 1

Объем и динамика коррупционных преступлений за период 2016–2020 гг.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего осужденных лиц	10 975	9 489	9 002	8 479	6 948
Число осужденных лиц по составам ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ	6 605	5 323	5 341	5 246	4 424
Число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности	32 924	29 634	30 495	30 991	30 813
Динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (%)	+1,4	–10,0	+2,9	+1,6	–0,6
Удельный вес коррупционных преступлений в структуре общей преступности в РФ (%)	1,52	1,44	1,53	1,53	1,54
Удельный вес взяточничества в структуре общей преступности в РФ (%)	0,5	0,59	0,6	0,7	0,7
Ущерб от коррупционных преступлений (млрд руб.)	78,4	39,7	65,7	55,1	58,4

Как следует из табл. 1, динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом является отрицательной (–10,0 %), впоследствии становится положительной (+2,9 % в 2018 г.; +1,6 в 2019 г.), затем опять снижается в 2020 г. (–0,6 %). Медианное значение динамики зарегистрированных преступлений за период 2016–2020 гг. составило –0,94. При этом общее число осужденных

за коррупционные преступления лиц за тот же период неуклонно снижается. Число лиц, осужденных по составам ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ в 2020 г., по сравнению с 2016 г. снизилось на 33,02 %.

Возникает вопрос: свидетельствует ли выявленная отрицательная динамика зарегистрированных преступлений и лиц, осужденных за коррупционные деяния, об эффективности уголовного наказания? Считаем, что давать оценку

нительное право. 2017. Т. 12. № 2. С. 120–124 ; Стромов В. Ю. Эффективная реализация наказаний: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 7 (135). С. 134–147 ; Улезько С. И., Серогодская Е. С., Матеуш А. Ж. Г. К вопросу об эффективности уголовно-правовых норм о наказании за должностное злоупотребление // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 104–106.

³ Иншаков С. М. Указ. соч. С. 32.

⁴ Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 09.02.2022).

эффективности уголовного наказания, основываясь лишь на анализе данных о преступности, было бы некорректно, поскольку выявленная отрицательная динамика зарегистрированных коррупционных преступлений и осужденных лиц является результатом влияния не только наказания, но и иных факторов, таких как социально-экономические процессы в обществе, изменения уголовно-правовых норм. Поэтому такие данные не могут служить показателями эффективности, но будут востребованы, к примеру, при проведении криминологического прогнозирования и планирования антикоррупционных мер.

Исследования С. М. Иншакова, а также других ученых, в частности В. А. Никонова, на которые ссылается автор, приводят его к выводу о некорректности рассмотрения зарегистрированной преступности как репрезентативной выборки⁵. Это объясняется тем, что объемы зарегистрированной и реально существующей преступности различны. Экспертами приводятся разные оценки уровня фактической преступности, превышающей регистрируемую: В. С. Овчинский отмечает превышение в 6,7 раза⁶, Д. А. Шестаков — в 5,5⁷, Б. В. Муслов — в 3,5⁸. Мы считаем, что умозаключение о значительном превышении показателей реальной преступности над отраженной в статистической отчетности в полной мере распространяется на коррупционную преступность.

Более того, особенности этого негативного социально-правового явления в некоторой степени свидетельствуют о невозможности получения объективной информации о нем ввиду его латентности. На практике выявляется лишь незначительная часть коррупционных деяний. Поэтому следует принять во внимание тот факт, что уголовная статистика не отражает объективных данных о фактической преступности.

Высокий уровень латентности отчасти объясняет невысокий удельный вес коррупционных преступлений в структуре общей преступности в Российской Федерации: медианное значение 1,51 % за период 2016–2020 гг., удельный вес взяточничества (как ядра коррупционной преступности) в структуре общей преступности не превышает 0,7 % за тот же период (см. табл. 1).

Именно латентность может служить одним из факторов отрицательной динамики зарегистрированных преступлений и наказуемости лиц за коррупционные деяния.

Возвращаясь к проблеме определения эффективности уголовного наказания, отметим, что ученые раскрывают ее по-разному: через уровень обеспечения безопасности социума (А. М. Яковлев)⁹, как соотношение цели и средств достижения (С. М. Иншаков, Д. А. Гарбатович, А. А. Палий и др.)¹⁰, как междисциплинарный феномен (В. А. Казакова)¹¹. Таким образом, в современной доктрине преобладает определение эффективности уголовного наказания через отношение цели наказания к средствам ее достижения.

Последнее из определений требует пояснения. В. А. Казакова обосновывает несколько составляющих проблемы эффективности (основную общефилософскую, методологическую, практическую) в рамках не только уголовно-правовых, но и иных наук (экономической, политической), каждая из которых соотносит затраты (соответственно экономические, политические и др.) государства и социума с целями, стоящими перед механизмом борьбы с преступностью. Действительно, противодействие преступности не ограничено сферой уголовного права в узком понимании, а осуществляется в системе уголовного права, в широком значении охватывающей отрасли уголовно-правового цикла и тесно связанной с другими, смежными

⁵ Иншаков С. М. Указ. соч. С. 33.

⁶ Овчинский В. С. Криминология кризиса. М. : Норма, 2009. С. 158.

⁷ Шестаков Д. А. Латентность преступности, вопросы теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 134.

⁸ Муслов Б. В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2006.

⁹ Яковлев А. М. Об эффективности исполнения наказания // Советское государство и право. 1964. № 1. С. 101.

¹⁰ Иншаков С. М. Указ. соч. С. 37 ; Гарбатович Д. А. Применяемость уголовного наказания как критерий его эффективности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2014. Т. 14. № 2. С. 32 ; Палий А. А. Сущность и цели наказания в российском уголовном праве и средства их достижения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов н/Д, 2001. 216 с.

¹¹ Казакова В. А. Указ. соч. С. 120–121.

областями, при этом сопровождается разного вида издержками, которые несут государство, общество, социальные институты, отдельные лица в связи с криминогенной угрозой.

Законодателем заявлены цели наказания в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Цель наказания — это его предполагаемый результат, но правовая норма гласит: «в целях», т.е. для чего. Применение уголовного наказания осуществляется: ради восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений. Понятия «цель» и «в целях» не тождественны: «цель» содержит нацеленность на результат, целеустремленность, а «в целях» — ради чего. Поэтому для определения эффективности соотносить цель как нацеленность на желаемый результат с затратами не вполне корректно, в частности из-за несовершенной терминологической лексики; более правильным видится отношение достигаемых (планируемых) результатов к затратам.

Под затратами понимаем издержки на достижение результатов наказания. Н. А. Лопашенко указывает на зависимость эффективности уголовного наказания от минимизации издержек (включая побочные негативные результаты)¹².

Восстановление социальной справедливости в качестве цели уголовного наказания подвергается сомнению со стороны ученого сообщества из-за абсолютной невозможности добиться его на практике, неосуществимости оценки результатов. К примеру, если причинен вред жизни или здоровью человека, то восстановлению они не подлежат, а возмещение ущерба не равнозначно социальной справедливости¹³.

Таким образом, возмещение вреда, причиненного преступным деянием, является одной из составляющих восстановления социальной справедливости и непосредственно работает на достижение этой цели.

В масштабах Российской Федерации ущерб от коррупционных преступлений измеряется десятками миллиардов рублей (см. табл. 1). При этом размер добровольно погашаемого ущерба не превышает 10 %.

Автор в составе межрегионального научно-го коллектива (Владимир, Волгоград, Казань, Нижний Новгород, Сыктывкар) принял участие в криминологическом исследовании «Коррупционная преступность: региональные проблемы противодействия» в 2018–2020 гг. Одна из задач этого исследования — сбор и обработка информации о мерах предупреждения коррупционных преступлений и об их эффективности. В частности, в ходе проведения исследования опрошены лица (более 200), осужденные за преступления коррупционной направленности. Респондентам были заданы вопросы относительно возмещения причиненного ими вреда: согласны ли они с установленным судом размером вреда и возместили ли его полностью или частично? Ответы распределились следующим образом.

Количество опрошенных осужденных, согласных с определенным судом размером причиненного вреда: Нижний Новгород — 42,3 %, Владимир — 50 %, Казань — 87,5 %; несогласных: Нижний Новгород — 42,3 %, Владимир — 30 %, Казань — 7,5 %. Остальные опрошенные согласны частично.

Вопрос с возмещением вреда обстоит так. Возмещен: Нижний Новгород — 48 %, Владимир — 33 %, Казань — 71,4 %; будет возмещен в ближайшей перспективе: Нижний Новгород — 19,2 %, Владимир — 50 %; не будет возмещен осужденным из-за отсутствия средств: Нижний Новгород — 19,2 %, Владимир — 17 %, Казань — 28,6 %; не будет возмещен осужденным, так как ущерб определен несправедливо: Нижний Новгород — 13,6 %.

Следовательно, 26,6 % суммарного количества опрошенных осужденных не согласны с установленным размером причиненного вреда; 26,13 % не собираются его возмещать. В качестве объяснения отказа в возмещении вреда 21,6 % указали на отсутствие средств, а остальные оправдывают свой отказ несправедливостью определения размера ущерба.

Решая задачу восстановления социальной справедливости, суду предстоит установить размер причиненного преступлением вреда. На объективность судебного решения влияет

¹² Лопашенко Н. А. Понятие, критерии и показатели эффективности уголовного наказания // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности : материалы Международной науч.-практ. конференции (Минск, 18–19 окт. 2013 г.). Минск : Издательский центр БГУ, 2013. С. 64.

¹³ Гарбатович Д. А. Уголовное наказание: аспекты эффективности. С. 33.

множество факторов (активность сторон судебного процесса, проведение экспертизы и т.д.), наличие которых затрудняет определение эффективности наказания. Действительно, ни установленный размер причиненного преступлением вреда, ни доля возмещенного ущерба никак не характеризуют эффективность наказания. Полагаем, что в данном вопросе важна оценка практики правоприменения, поэтому определенную роль могут сыграть именно результаты проведенных опросов респондентов (в частности, осужденных за коррупционные преступления). Практически четвертая часть опрошенных нами респондентов-осужденных отказывается возмещать причиненный преступлением вред, то есть наказание этих лиц не достигает цели восстановления социальной справедливости. Поэтому актуализируется задача стимулирования возмещения осужденным вреда, которая может решаться по-разному: заинтересованностью лица в трудовой деятельности, стремлением к условно-досрочному освобождению или замене наказания на более мягкое (предусматриваемыми в качестве обязательного условия частичное или полное возмещение ущерба), угрозой карательных мер, ставящих погашение судимости в зависимость от возмещения вреда.

Некоторые авторы (Б. С. Волков, Б. В. Кернаджук, Е. А. Кулеш, Н. В. Самойлюк) выделяют социально-нравственную сторону наказания¹⁴, условно характеризуемую как некое осознание победы добра над криминальным злом. Применение уголовного наказания как таковое может оказывать двойственное воздействие на социальную справедливость, восстанавливая ее (например, в мнении общества при наказании виновного лица) или, напротив, обостряя несправедливость (к примеру, при восприятии наказания осужденным как несправедливого или в случае, когда социальная несправедливость явилась одним из факторов совершения преступления). Поэтому считаем, что правильнее рассуждать о справедливом наказании конкретного лица за совершенное деяние. Назначение справедливого наказания не подменяет восстановления социальной справедливости, поэтому справедливое наказание виновного

лица не может рассматриваться в качестве цели уголовного наказания, а предстает как результат реализации закрепленного в Уголовном кодексе РФ принципа справедливости, критерии которого содержатся в ч. 1 ст. 6 УК РФ.

Назначение справедливого наказания непосредственно связано с другими целями: исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений. Восприятие виновным лицом наказания как справедливого становится необходимым условием достижения целей исправления и предупреждения преступлений.

На примере ответов осужденных посмотрим, достигаются ли на практике цели наказания. Из опрошенных осужденных 49,8 % дали оценку назначенному им наказанию как несправедливому, при этом выдвинули следующие аргументы: лицо не совершало преступления; суд не учел все обстоятельства по уголовному делу; неверная квалификация деяния; слишком суровое наказание, не соответствующее тяжести деяния; дополнительное наказание излишне, можно было ограничиться основным видом; не оправдались надежды лица на условное наказание; размер причиненного преступлением ущерба завышен¹⁵.

Объяснение респондентами своей оценки наказания как несправедливого заключалось в том, что лица, рассчитывающие на ответственность в виде штрафа или исправительных работ, были осуждены к лишению свободы; осужденные условно считали штраф избыточным видом наказания в их случае; осужденные к штрафу полагали его размер чрезмерным.

Опрошенные осужденные оценили соблюдение уголовно-правовых принципов при определении наказания. Так, принцип законности выполнялся в отношении 48,9 % респондентов, принцип вины — 50 %, принцип справедливости — 44,4 %, принцип гуманизма — 24 %.

Как видно из результатов проведенного опроса, на практике при назначении наказания не всегда следуют уголовно-правовым принципам, хотя их соблюдение является необходимым условием обеспечения справедливости и непосредственно влияет на достижение целей наказания.

¹⁴ Кернаджук Б. В., Кулеш Е. А., Самойлюк Н. В. К вопросу о целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // *Власть и управление на Востоке России*. 2017. № 4 (81). С. 171.

¹⁵ Кулакова М. Н. Предупреждение коррупционных преступлений: правовые и организационно-управленческие основы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2021. С. 219.

Исправление осужденного в качестве цели наказания также подвергается критике, поскольку материальные нормы уголовного права не имеют такой функциональной направленности. Здесь следует вести речь, скорее, о стадии исполнения уголовного наказания¹⁶, следовательно, об уголовно-исполнительных нормах.

Если принимать в качестве критерия исправления осужденного несовершенство им иных преступных деяний¹⁷, тогда исправление включает и предупреждение, следовательно, вторая цель наказания поглощает третью.

Чем точнее формулировки и чем меньше страдает юридическая техника правовой нормы, тем больше вероятность достижения поставленных целей, соответственно, выше эффективность наказания при прочих равных условиях.

Цели наказания не являются статичными. В отличие от действующей правовой нормы, в ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса РСФСР¹⁸ содержалось указание не только на исправление, но и на воспитание осужденных, а также на общую и частную превенцию. Поскольку 32,5 % опрошенных осужденных отметили отсутствие осознания преступности своих действий, представляется, что воспитание осужденных, в том числе правовое, предполагающее развитие правового сознания и антикоррупционного мировоззрения, продолжает оставаться актуальной проблемой. Изменение целей уголовного наказания влечет изменение его эффективности.

Научно доказано, что у лица, движимого корыстными и азартными интересами, неоднократно решающего свои проблемы путем взятничества, вырабатывается психологическая зависимость, приводящая к патологии¹⁹. Респондентам был задан вопрос, согласны ли они с этим? Утвердительно ответили 57,5 % опрошенных осужденных.

Следовательно, у такого лица, неоднократно оказывавшегося в коррупционных ситуациях, формируется привычка коррупционного поведения, выражающаяся в психологической

зависимости, в повторяемости его участия в коррупционных сделках. Наличие рецидива коррупционных деяний свидетельствует об иллюзорности цели исправления в отношении конкретного лица и, соответственно, частной превенции. При недостижении результатов эффективность наказания ничтожна.

Динамику рецидива М. Д. Шаргородский называет «единственным реальным критерием» достижения наказанием цели специального предупреждения²⁰. По мнению С. Ю. Бытко, наличие рецидива не всегда свидетельствует о неэффективности наказания; на рецидив влияет множество не поддающихся учету факторов; рецидив следует оценивать в комплексе с иными показателями (удельный вес впервые осужденных, динамика числа осужденных)²¹. Несмотря на кажущуюся правильность мнения М. Д. Шаргородского, его подход к оценке рецидива как следствия неэффективности наказания представляется упрощенным из-за отсутствия учета воздействия на него иных обстоятельств. Автор статьи разделяет позицию С. Ю. Бытко, полагая, что рецидив формируется в результате детерминации не исключительно уголовного наказания, но и других факторов, не связанных с исполнением наказания, таких как реабилитация осужденного лица, наличие у него социальных связей, условия макросреды.

Представляется затруднительным указать объективные критерии оценки эффективности наказания на стадии исполнения. В сфере уголовно-исполнительного права возникает смежное понятие «эффективность исполнения наказания», для оценки которого возможно использовать результаты криминологических исследований, в частности опросов респондентов (осужденных за коррупционные преступления, сотрудников сферы исполнения наказаний и др. категорий). В качестве дополнительных критериев могут выступать, к примеру: доля осужденных, считающих вынесенное им наказание справедливым/несправедливым; доля осужденных, возместивших причиненный

¹⁶ Кулакова М. Н. Указ. соч. С. 172.

¹⁷ Гарбатович Д. А. Уголовное наказание: аспекты эффективности. С. 34.

¹⁸ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утр. силу) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 09.02.2022).

¹⁹ Кулакова М. Н. Указ. соч. С. 140.

²⁰ Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1973. С. 60–61.

²¹ Бытко С. Ю. Критерии эффективности уголовного наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 151–152.

ущерб полностью/частично; прогноз результативности наказания, сделанный сотрудниками исправительного учреждения; сравнение его с фактическими результатами в течение определенного периода.

Рассмотрим виды наказаний за совершение коррупционных преступлений за период 2016–2020 гг. на основании данных судебной статисти-

стики разд. 6 формы 10.4.1 «Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности»²² (табл. 2).

Таблица 2

**Назначение реального лишения свободы за коррупционные преступления
за период 2016–2020 гг.**

Показатели	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %
Число осужденных	10 975	100	9 489	100	9 002	100	8 479	100	6 948	100
Число осужденных к реальному лишению свободы	1 620	14,76	1 475	15,54	1 383	15,36	1 463	17,25	1 035	14,89
<i>В том числе на срок:</i>										
до 1 года	336	3,06	223	2,35	192	2,13	190	2,24	147	2,11
свыше 1 до 2 лет	372	3,39	315	3,32	272	3,02	252	2,97	205	2,95
свыше 2 до 3 лет	390	3,55	345	3,64	339	3,78	344	4,06	241	3,47
свыше 3 до 5 лет	324	2,95	336	3,54	309	3,43	383	4,52	228	3,28
свыше 5 до 8 лет	173	1,58	209	2,20	243	2,70	261	3,08	181	2,6
свыше 8 до 10 лет	21	0,19	37	0,39	21	0,23	31	0,36	31	0,45
свыше 10 до 15 лет	4	0,04	10	0,10	4	0,04	2	0,02	2	0,03
свыше 15 до 20 лет	0	0	0	0	3	0,03	0	0	0	0

Из таблицы 2 усматриваем, что к реальному лишению свободы приговаривается от одной седьмой до одной шестой части осужденных за коррупционные преступления, причем большинство из них — на срок не более пяти лет. Полагаем, что такое редкое назначение нака-

зания в виде лишения свободы способствует формированию чувства безнаказанности в общественном сознании.

Таблица 3 содержит сведения об иных видах наказания за коррупционные преступления, не связанных с реальным лишением свободы.

²² Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности.

Таблица 3

Основные виды наказания за коррупционные преступления, не связанные с реальным лишением свободы, за период 2016–2020 гг.

Показатели	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %
Число осужденных	10 975	100	9 489	100	9 002	100	8 479	100	6 948	100
Штраф	5 520	50,30	4 326	45,59	4 210	46,77	3 746	44,18	3 173	45,67
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	103	0,94	107	1,13	80	0,89	76	0,90	60	0,86
Обязательные работы	50	0,46	18	0,19	17	0,19	13	0,15	16	0,23
Исправительные работы	161	1,47	224	2,36	191	2,12	164	1,93	106	1,53
Ограничения по военной службе	1	0,01	1	0,01	0	0	0	0	1	0,01
Ограничение свободы	61	0,56	77	0,81	56	0,62	43	0,51	44	0,63
Принудительные работы	0	0	1	0,01	0	0	4	0,05	3	0,04
Арест	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Содержание в дисциплинарной воинской части	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
Условное осуждение к лишению свободы	2642	24,07	2766	29,15	2630	29,22	2656	31,32	2269	32,66
Условное осуждение к иным мерам	43	0,39	70	0,74	86	0,96	48	0,57	39	0,56

Из таблицы 3 следует, что наиболее часто назначаемым видом наказания за коррупционные преступления в период 2016–2020 гг. практически в половине случаев являлся штраф.

Далее ранжируем по убыванию применение иных видов наказания, не связанных с реальным лишением свободы: исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, обязательные работы, принудительные работы, ограничения по военной службе. Такие виды наказания, как арест и содержание в дисциплинарной воинской части, вообще не назна-

чались. Низкая применяемость (как и ее полное отсутствие) вида уголовного наказания свидетельствует о неиспользовании его репрессивного потенциала и практической неэффективности данного наказания²³.

Итоги опроса осужденных респондентов по вопросам вида и размера назначенного наказания показали, что реальное лишение свободы стало наиболее применимым видом наказания в Нижнем Новгороде (половина приговоров) и Владимире (60 %). В Казани сложилась более мягкая судебная практика: в 60 % приговоров фигурирует штраф, среди иных видов наказаний за коррупционные преступления — испра-

²³ Гарбатович Д. А. Применяемость уголовного наказания как критерий его эффективности. С. 35.

вительные работы (15,0 %), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (7,5 %). Итак, выявлены отличительные особенности региональной судебной практики, касающиеся основных видов наказания за коррупционные преступления. Поскольку противодействие коррупции является предметом совместного ведения Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, региональный аспект в решении коррупционных проблем приобретает все большую значимость, учитывается в разъяснениях и обзорах судебной практики по коррупционным вопросам. Приведение судебной практики к унификации и единообразию положительно скажется на эффективности наказания.

Преобладание штрафа (около половины приговоров), условное лишение свободы (около четвертой части приговоров, замечена тенденция к возрастанию — треть в 2020 г.), реальное лишение свободы на небольшие сроки (седьмая-шестая часть) составляют около 90 % основных видов наказания за коррупционные преступления.

Сравним назначение наказания в двух случаях за сходные коррупционные деяния в советское время и в настоящем. В 1980 г. в одной из центральных газет вышла статья под названием «Десяточка», в которой говорилось о вынесении наказания в виде реального лишения свободы сроком на 10 лет в отношении участкового врача-терапевта, которая без имеющих оснований выписывала больничные листы гражданам, взимая за это плату в размере 10 руб. В 2018 г. участковый врач-терапевт решением суда приговорен к штрафу в сумме 90 тыс. руб. за выписку листа нетрудоспособности при отсутствии заболевания за 2 000 руб.²⁴ Случаи, подобные второму, в настоящее время далеко не единичны, причем суд нередко назначает штраф в размере ниже низшего предела. Конечно, судом учитываются фактические обстоятельства дела, суммы взятки, количество эпизодов. Возникает вопрос: какой вид наказания за коррупционные деяния в сходных

ситуациях (в первом случае — реальное лишение свободы, причем на длительный срок, во втором — штраф) обладает значительным сдерживающим эффектом и представляется более адекватным совершенному преступлению?

Существуют разные мнения ученых относительно концепции сдерживания²⁵: при прочих равных условиях в штатах с более строгой системой наказаний уровень преступности ниже (А. С. Лейбович); преступность сдерживает не только тяжесть наказания, но также вероятность самого наказания (Г. Таллок); жесткость уголовного наказания незначительно влияет на уровень преступности (Х. Кури, О. Ильченко). Указанные выводы в основном получены в результате исследований преступности в целом, а не отдельных ее видов, то есть без учета их особенностей и влияния на них разных видов наказания. Поэтому для ответа на поставленный вопрос следует учесть специфику коррупционных преступлений и продуцирующие их детерминанты.

На вопрос о факторах, которые способствовали совершению коррупционного преступления, 27 % опрошенных ответили, что главная причина заключается в них самих, а 19,8 % сослались на жизненные обстоятельства, в основном на тяжелое материальное положение. Получается, что ведущую роль в совершении преступления сыграли в первую очередь детерминанты субъективного характера, личностные установки в выборе преступного поведения.

При этом 47,4 % респондентов надеялись остаться безнаказанными, рассчитывая при этом на следующие обстоятельства: правоохранительные органы не узнают о преступлении или о совершившем его лице (38,2 %), не смогут доказать вину (21,5 %).

В качестве обстоятельств, могущих удержать респондентов от совершения преступления, названы неотвратимость ответственности (81,6 %) и страх наказания, главным образом лишения свободы (61,7 %).

Отсюда приходим к выводу о недостаточной эффективности наиболее часто применяемых видов наказания, а также низком сдерживаю-

²⁴ Врач за 2 тыс. руб. незаконно выдал больничный лист и заплатил штраф // URL: <https://www.klerk.ru/boss/news/471970/> (дата обращения: 09.02.2022).

²⁵ Кури Х., Ильченко О. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 240–256; Таллок Г. Сдерживают ли наказания преступность? // Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности. Экономическая теория преступлений и наказаний: реферативный журнал. Вып. 1. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 93–98. URL: <http://corruption.rsu.ru/magazine/1/n1-15.shtml> (дата обращения: 09.02.2022).

щем эффекте штрафа (на получение которого и рассчитывало большинство опрошенных в случае наступления ответственности).

Следовательно, в приведенном примере с врачом-терапевтом реальное лишение свободы представляется обладающим значитель-

ным сдерживающим эффектом по сравнению со штрафом и в большей степени соответствующим современным реалиям, в которых коррупция признана системной угрозой.

Особенности наказания за коррупционные преступления представлены в табл. 4.

Таблица 4

Особенности наказания за коррупционные преступления за период 2016–2020 гг.

Показатели	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %	Всего, лиц	Уд. вес, %
Число осужденных	10 975	100	9 489	100	9 002	100	8 479	100	6 948	100
Конфискация имущества	543	4,95	349	3,68	296	3,29	305	3,6	291	4,19
Наказание ниже низшего предела	1515	13,80	693	7,30	746	8,29	450	5,31	341	4,9
<i>В том числе</i>										
штраф	670	6,10	239	2,52	270	3,00	222	2,62	170	2,45
Не применено обязательное дополнительное наказание	707	6,44	566	5,96	458	5,09	392	4,62	300	4,32

Нередко штраф и другие наказания назначаются ниже низшего предела. В 2020 г. конфискация имущества применена в отношении 4,19 % осужденных (коснулась лишь одного из 25!). В ряде случаев не применяется обязательное дополнительное наказание (4,32 % в 2020 г.).

При назначении наказания виновному лицу следует учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства (ч. 3 ст. 60 УК РФ), которые рассматриваются как одни из основных критериев установления степени общественной опасности деяния²⁶. В отношении опрошенных респондентов-осужденных отягчающим наказанием обстоятельством стало совершение деяния группой лиц по предварительному сговору (г. Владимир — 7 %).

Итак, установлено, что преобладающими видами уголовного наказания за коррупционные преступления в период 2016–2020 гг. являются штраф и условное лишение свободы.

Причем реальное лишение свободы выносятся в незначительной части приговоров и в основном представлено небольшими сроками. Крайне редко встречается конфискация имущества. И при этом еще применяются смягчающие наказание институты²⁷ (например, размер наказания ниже низшего предела, назначение более мягкого наказания, неприменение обязательного дополнительного наказания). Таким образом, сложившаяся практика применения наказания за коррупционные преступления может быть охарактеризована как чрезвычайно мягкая. А это совершенно не соответствует тезису, заявленному в п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²⁸, об искоренении коррупции как национальном интересе (в том числе уголовно-правовыми средствами), поскольку она предстает одной из основных (системных) угроз государственной и общественной безопасности России, на

²⁶ Долгополов К. А. Влияние характера и степени общественной опасности совершенного деяния на назначение уголовного наказания // Виктимология : рецензируемый научный журнал. 2015. № 1 (3). С. 23.

²⁷ Клейменов М. П., Клейменов И. М., Пустовит Р. В. Практика назначения наказания за коррупционные преступления // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 2. С. 73.

²⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 3 июля.

что справедливо указывают М. П. Клейменов и другие авторы²⁹. Следовательно, уголовно-правовое реагирование на коррупционные деяния не является адекватным уровню и характеру их общественной опасности, а также иным негативным характеристикам. К таковым следует отнести, в частности, толерантное отношение населения к коррупционным проявлениям и даже готовность прибегнуть к взятке для решения проблем, что отметили 80,87 % опрошенных граждан.

Возникает вопрос: оправдан ли подобный гуманизм в отношении осужденных за коррупционные деяния? Результаты проведенного исследования показали, что он не осознается осужденными, охарактеризовавшими уголовно-правовое законодательство за коррупционные преступления как чрезмерно строгое (25,5 %), нуждающееся в смягчении санкций (47,4 %), высказавшимися за предпочтительное применение экономических мер наказания (штраф), против изоляции от семейных и иных социальных связей (реального лишения свободы) (именно это и наблюдается в современной практике назначения наказания).

Мнения осужденных не разделяются другими категориями опрошенных. За ужесточение уголовного наказания за коррупционные преступления высказываются респонденты-граждане (88,1 %), сотрудники предварительного расследования (65,75 %).

Сотрудники предварительного расследования дали оценку эффективности экономических мер наказания по пятибалльной шкале (от 1 — минимум до 5 — максимум): конфискация имущества — 4,25; штраф — 3,85. Судьи также дали им оценку: конфискация имущества — 4,78; штраф — 4,05. При этом большинство респондентов (87,2 %) высказываются за восстановление конфискации имущества как полноценного вида уголовного наказания, отмечая ее более высокую эффективность по сравнению со штрафом. Целесообразно введение конфискации имущества за составы деяний, являющихся основой коррупционной преступности (ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ), поскольку претерпевание осужденными этого вида наказания фактически перекрывает корыстную мотивацию и аннулирует результаты совершенного преступления.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Эффективность уголовного наказания за коррупционные преступления может определяться степенью его влияния на коррупционную преступность. Эффективность уголовного наказания предстает как агрегированный показатель, объединяющий эффективность наказания за коррупционные преступления как отдельный вид преступности, эффективность наказания за базовую группу коррупционных деяний (ст. 204–204.2, 290–291.2 УК РФ), эффективность применения отдельных видов наказания, эффективность наказания конкретного преступника, эффективность исполнения наказания.

2. Количественные показатели преступности, такие как динамика, не могут служить объективными критериями оценки эффективности уголовного наказания, поскольку характеризующие ими тенденции и закономерности преступности являются результатом влияния множества факторов, а не исключительно наказания. Это в значительной степени касается коррупционных преступлений, характеризующихся высоким уровнем латентности.

3. Эффективность уголовного наказания измеряется отношением достигаемых (планируемых) результатов наказания за коррупционные преступления к затратам. В качестве предполагаемых результатов может выступать степень достижения целей уголовного наказания. При недостижении результатов эффективность наказания ничтожна. Под затратами понимаем издержки на достижение результатов наказания.

4. К критериям, позволяющим качественно оценить эффективность уголовного наказания, следует отнести достижение наказанием заявленных законодателем целей.

5. Эффективность наказания во многом определяется деятельностью специальных субъектов (учет обстоятельств по уголовному делу, квалификация деяния, определение размера причиненного ущерба, назначение наказания и т.д.).

Назначение справедливого наказания осужденному, влекущее претерпевание тяжести последствий его применения, способствует повышению эффективности наказания конкретного лица.

Мягкое наказание за совершение коррупционного деяния приводит к привыканию и не содержит предупредительного потенциала, тем самым не прекращает практику коррупци-

²⁹ Клейменов М. П., Клейменов И. М., Пустовит Р. В. Указ. соч. С. 73.

онного поведения. Эффективность такого наказания ничтожна. Поэтому важно осознание осужденным бремени наказания, карательные и воспитательные ресурсы которого реализуют его предупредительный потенциал, то есть действуют в направлении достижения целей исправления и предупреждения преступлений.

6. При оценке эффективности исполнения наказания целесообразно ориентироваться на результаты криминологических исследований с применением метода опроса респондентов разных категорий (например, осужденных за коррупционные преступления, сотрудников исправительных учреждений). Дополнительными критериями эффективности могут служить: доля осужденных, считающих вынесенное им наказание справедливым/несправедливым; доля осужденных, возместивших причиненный ущерб полностью/частично; прогноз результативности наказания, сделанный сотрудниками исправительного учреждения; сравнение его с фактическими результатами в течение определенного периода.

7. Наказание за коррупционные преступления в виде лишения свободы малоэффективно ввиду его редкого применения, не способствующего реализации предупредительного потенциала в полной мере. Но именно этот вид наказания, по мнению респондентов-осужден-

ных, обладает наибольшим сдерживающим эффектом (наряду с неотвратимостью ответственности).

Наиболее часто применяемое наказание в виде штрафа обладает недостаточной эффективностью, низким сдерживающим эффектом, так как является ожидаемым, именно на это наказание рассчитывает более половины опрошенных при условии наступления ответственности (остальные 47,4 % верят в безнаказанность).

Арест и содержание в дисциплинарной воинской части не применялись, вследствие чего сдерживающий потенциал данных видов наказания оказался не раскрыт.

8. Штраф в качестве основного вида наказания в сфере противодействия коррупции не оправдывает чаяний законодателя, поскольку не достигает поставленных целей.

9. В целом сложившаяся мягкая практика применения наказания за коррупционные преступления не способна противостоять коррупции как одной из системных угроз безопасности страны.

Раскрытие потенциала уголовного наказания в виде лишения свободы и восстановление конфискации имущества как полностью функционального вида уголовного наказания способны повысить эффективность уголовно-правового реагирования на коррупционную угрозу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бытко С. Ю.* Критерии эффективности уголовного наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 5 (106). — С. 149–152.
2. *Гарбатович Д. А.* Применяемость уголовного наказания как критерий его эффективности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2014. — Т. 14. — № 2. — С. 32–38.
3. *Гарбатович Д. А.* Уголовное наказание: аспекты эффективности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2014. — Т. 14. — № 4. — С. 32–37.
4. *Долгополов К. А.* Влияние характера и степени общественной опасности совершенного деяния на назначение уголовного наказания // Виктимология : рецензируемый научный журнал. — 2015. — № 1 (3). — С. 20–23.
5. *Иншаков С. М.* Эффективность уголовного наказания: методика анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2014. — Вып. 25 (711). — С. 32–61.
6. *Казакова В. А.* Экономия репрессии как составляющая эффективности наказания // Уголовно-исполнительное право. — 2017. — Т. 12. — № 2. — С. 120–124.
7. *Кернаджук Б. В., Кулеш Е. А., Самойлюк Н. В.* К вопросу о целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. — 2017. — № 4 (81). — С. 170–176.
8. *Клейменов М. П., Клейменов И. М., Пустовит Р. В.* Практика назначения наказания за коррупционные преступления // Правоприменение. — 2018. — Т. 2. — № 2. — С. 70–79.
9. *Кулакова М. Н.* Предупреждение коррупционных преступлений: правовые и организационно-управленческие основы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Казань, 2021. — 272 с.

10. Кури Х., Ильченко О. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 2 (26). — С. 240–256.
11. Лопашенко Н. А. Понятие, критерии и показатели эффективности уголовного наказания // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности : материалы Международной науч.-практ. конференции (Минск, 18–19 окт. 2013 г.). — Минск : Издательский центр БГУ, 2013. — С. 64–67.
12. Муслов Б. В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — СПб., 2006. — 166 с.
13. Овчинский В. С. Криминология кризиса. — М. : Норма, 2009. — 240 с.
14. Палий А. А. Сущность и цели наказания в российском уголовном праве и средства их достижения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Ростов н/Д, 2001. — 216 с.
15. Стромов В. Ю. Эффективная реализация наказаний: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2014. — № 7 (135). — С. 134–147.
16. Таллок Г. Сдерживают ли наказания преступность? // Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности. Экономическая теория преступлений и наказаний : реферативный журнал. — Вып. 1. — М. : Изд-во РГГУ, 1999. — С. 93–98. — URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/1/n1-15.shtml> (дата обращения: 09.02.2022).
17. Улезько С. И., Серогодская Е. С., Матеуш А. Ж. Г. К вопросу об эффективности уголовно-правовых норм о наказании за должностное злоупотребление // Социально-политические науки. — 2018. — № 1. — С. 104–106.
18. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1973. — 160 с.
19. Шестаков Д. А. Латентность преступности, вопросы теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — № 1 (16). — С. 131–141.
20. Яковлев А. М. Об эффективности исполнения наказания // Советское государство и право. — 1964. — № 1. — С. 99–103.

Материал поступил в редакцию 22 апреля 2022 г.

REFERENCES

1. Bytko SYu. Kriterii effektivnosti ugovolnogo nakazaniya [The criterion of efficiency of preventive effects of criminal punishment]. *Vestnik SSLA*. 2015;5(106):149-152. (In Russ.).
2. Garbatovich DA. Primenyaemost ugovolnogo nakazaniya kak kriteriy ego effektivnosti [Application of criminal penalties as a criterion for its effectiveness]. *Bulletin of South Ural State University. Series «Law»*. 2014;14(2):32-38. (In Russ.).
3. Garbatovich DA. Ugolovnoe nakazanie: aspekty effektivnosti [Criminal Penalties: Issues of Efficiency]. *Bulletin of South Ural State University. Series «Law»*. 2014;14(4):32-37. (In Russ.).
4. Dolgopолоv KA. Vliyaniye kharaktera i stepeni obshchestvennoy opasnosti sovershennogo deyaniya na naznachenie ugovolnogo nakazaniya [Influence of Character and Degree of Public Danger of a Committed Act on Criminal Sentencing]. *Victimology*. 2015;1(3): 20-23. (In Russ.).
5. Inshakov SM. Effektivnost ugovolnogo nakazaniya: metodika analiza [The Effectiveness of Criminal Punishment: Methods of Analysis]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*. 2014;25(711):32-61. (In Russ.).
6. Kazakova VA. Ekonomiya repressii kak sostavlyayushchaya effektivnosti nakazaniya [Limited repression as an element of susceptibility of punishment]. *Penal Enforcement Law*. 2017;12(2):120-124. (In Russ.).
7. Kernayuk BV, Kulesh EA, Samoilyuk NV. K voprosu o tselyakh ugovolnogo i ugovolno-ispolnitelnogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [The question of the purpose of the penal system the Russian Federation]. *Power and Governance in the East of Russia*. 2017;4(81):170-176. (In Russ.).
8. Kleimenov MP, Kleimenov IM, Pustovit RV. Praktika naznacheniya nakazaniya za korrupsionnye prestupleniya [The practice of punishment for corruption crimes]. *Law Enforcement Review*. 2018;2(2):70-79. (In Russ.).

9. Kulakova MN. Preduprezhdenie korruptsionnykh prestupleniy: pravovye i organizatsionno-upravlencheskie osnovy: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. [Prevention of corruption crimes: legal and organizational and managerial foundations: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.08. Kazan; 2021. (In Russ.).
10. Kuri H, Ilchenko O. Effektivnost nakazaniya: rezultaty mezhdunarodnykh issledovaniy [Punishment Efficiency: Results of International Research]. *Russian Journal of Economics and Law*. 2013;2(26):240-256. (In Russ.).
11. Lopashenko NA. Ponyatie, kriterii i pokazateli effektivnosti ugovornogo nakazaniya [The concept, criteria and indicators of the effectiveness of criminal punishment]. In: Improvement of legal regulation and mechanisms of functioning of the crime prevention system: *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, October 18–19, 2013; Minsk. Minsk: Publishing House of the BSU Center; 2013. (In Russ.).
12. Muslov BV. Latentnaya prestupnost: nekotorye voprosy teorii i praktiki protivodeystviya: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 [Latent crime: some questions of the theory and practice of counteraction: Cand. Sci. (Law) Dissertation]. St. Petersburg; 2006. (In Russ.).
13. Ovchinsky VS. Kriminologiya krizisa [Criminology of the crisis]. Moscow: Norma; 2009. (In Russ.).
14. Paliy AA. Sushchnost i tseli nakazaniya v rossiyskom ugovornom prave i sredstva ikh dostizheniya: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 [The essence and goals of punishment in Russian criminal law and the means to achieve them: Cand. Sci. (Law) Dissertation]. Rostov-on-Don; 2001. (In Russ.).
15. Stromov VYu. Effektivnaya realizatsiya nakazaniy: problemy ugovorno-pravovoy teorii i pravoprimeritelnoy praktiki [Effective implementation of punishments: problems of criminal law theory and law enforcement practice]. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2014;7(135):134-147. (In Russ.).
16. Tallock G. Sderzhivayut li nakazaniya prestupnost? [Do punishments deter crime?]. *Economic Theory of Criminal and Law Enforcement Activities. Economic Theory of Crimes and Punishments. Issue 1*. Moscow: Publishing House of RSUH; 1999, Issue 1. Pp. 93–98. Available at: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/1/n1-15.shtml> [Accessed: 09.02.2022]. (In Russ.).
17. Ulezko SI, Serogodskaya ES, Mateush AZhG. K voprosu ob effektivnosti ugovorno-pravovykh norm o nakazanii za dolzhnostnoe zloupotreblenie [On the question of the effectiveness of criminal law norms on punishment for official abuse]. *Socio-Political Sciences*. 2018;1:104-106. (In Russ.).
18. Shargorodsky MD. Nakazanie, ego tseli i effektivnost [Punishment, its goals and effectiveness]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1973. (In Russ.).
19. Shestakov DA. Latentnost prestupnosti, voprosy teorii [Latency of crime, questions of theory]. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009;1(16):131-141. (In Russ.).
20. Yakovlev AM. Ob effektivnosti ispolneniya nakazaniya [On the effectiveness of the execution of punishment]. *The Soviet State and Law*. 1964;1:99-103. (In Russ.).